

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПУСТЬ ПЛЯШЕТ ПЫЛЬ

Мертвые отыскали меня в моих снах
Я рыбаку там у озер, брожу по чужим домам
Где могли б поселиться разбитые семьи
Радуюсь, что вновь оказались вместе
Теперь я вожу с ними компанию
В которой мне легко и уютно.
Мертвые встречают меня с пониманием
И не пеняют, что приходится просыпаться
Заново вываливаться в одиночество
Распахнутых глаз и задернутых штор.
Когда мертвые находят меня во сне
Я вижу, что они живут в тайных укрытиях
Вне времени, не старея, как сокровенные мысли.
Лежащая рядом женщина слышит, как я вздыхаю
При звуках утреннего колокола, и спрашивает, все ли
В порядке, а я покоюсь в печальном отзвуке
И не хочу говорить с ней про одиночество
Пустынных берегов, где бродят рыбаки
И домов, где никто уже никогда не поселится
Но которые стоят, расположившись так
Чтобы у наших мертвых было привычное место.
Однажды я тоже забреду в ее сны
Пусть сейчас и прячу это знание за улыбкой
Она увидит, как я высматриваю проблеск форели
В темной воде, мы будем с ней путешествовать
По странной стране в застывшей вечности
Пока она не оставит меня ради утреннего солнца
Но мертвые прекрасно знают, что награда рыбака
Заключается в радостно сверкающей надежде
И вечно любящем ожидании, так что я думаю
Что если боги и существуют, их искусство
Есть плетение снов, они даруют нам
Благословенную реку сновидений, где мы
Изумляясь, приветствуем своих мертвых
А жрецы и пророки правы, когда говорят
Что смерть есть сон, что мы останемся вечно живы
В сновидениях тех, кто живет, ведь и сам я видел
В еженощных странствиях своих мертвых, и знаете?
Им там хорошо.

«Песнь сновидца»

Рыбак

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Они явились на пустующие земли поздно вечером и недобольно уставились на шестерых волков, наблюдавших за ними с кромки горизонта. С собой они пригнали стадо коз и дюжину черных овец. Их не волновало, что местность уже принадлежит волкам, — в их сознании собственность была сугубо человеческой короной, которую никто иной не смеет возложить на чело. Что до зверей, те не возражали против совместной борьбы за выживание, против охоты и преследования, ведь у мемекающих коз и бляющих овец такие нежные глотки, да и осторожностью стадные животные не отличаются; а про двуногих пришельцев волки пока еще мало что знали. Стада служат источником пищи самым разным созданиям. Волки нередко делили трапезу с койотами и воронами, им даже доводилось иной раз ссориться из-за лакомого кусочка с неуклюжим медведем.

Когда я набрел на дом, который пастухи выстроили на откосе над долиной, то увидел приколоченные у главного входа шесть волчьих черепов. В своих странствиях менестреля я многое успел повидать, мне даже расспросов не потребовалось — в конце концов, все уже давно вплетено в историю человеческого рода. Не стал я спрашивать ни про развешанные по стенам медвежьи и антилопьи шкуры, ни про олени рога. Не повел бровью, обнаружив в мусорной яме гору бхедериньих костей, а вокруг — дохлых стервятников, отдававших предназначенного для койотов отравленного мяса.

Тем вечером в виде платы за ночлег я спел множество песен и легенд. Я пел им о героях и подвигах, и они остались довольны. Пиво было не самым худшим, да и жаркое не подвело.

Поэты подобны оборотням — поскольку способны влезть в шкуру мужчины и женщины, ребенка и зверя. Есть среди них и такие, кто отмечен тайной печатью, присягнул первозданным культам. Той ночью я оделил каждого своим ядом, и наутро покинул притихший дом, где не осталось даже собаки, чтобы скулить по мертвым. Я сел на вершине холма, раскурил трубку и вновь призвал диких зверей. Я защищаю их права, когда они

сами на это не способны, и от обвинений в убийстве не отрекаюсь, однако умерьте ваш ужас, друзья мои: разве существует общепринятый закон, что ставил бы человеческую жизнь выше жизни зверя? Как вам подобное в голову-то пришло?

«Исповедь в двухстах двадцати трех актах правосудия»
Вельтан-менестрель (он же Безумный Певец)

— Он явился к нам в обличе князя труднодоступной приграничной области — столь отдаленной, что ни у кого не возникло и мысли его в чем-то заподозрить. Его манеры, его жесткость и немногословность как нельзя лучше отвечали нашим невежественным представлениям о подобных краях. Любой согласился бы, что это особенная личность — подобную самоуверенность при дворе встретишь нечасто. И еще что-то дикое в глазах, словно внутри у него волки с цепей рвутся — жрицы сразу же мокрыми делались. И лишь потом обнаружили, насколько у него могучее семя — и что это не семя тисте анди.

Силкас Руин потыкал в костер палкой, чтобы пробудить пламя. Искры устремились во мрак. Руд смотрел в мертвенное лицо воина, на котором играли рыжие пятна отблесков, словно прорисовывая в нем краткие мгновения жизни.

Спустя какое-то время Силкас Руин снова уселся поудобней и продолжил:

— Власть сама собой к нему притягивалась, словно железные опилки к магниту, и это казалось столь... естественным. Происхождение из отдаленных краев как бы подразумевало нейтралитет, и сейчас, задним числом, можно утверждать, что Драконус и в самом деле был нейтрален. Тисте анди, все до единого, служили лишь материалом для его амбиций, вот только могли ли мы вообразить, что желаниями его двигала *любовь*?

Взгляд Руда скользнул в сторону от Силкаса, поверх его правого плеча, где на ночном небе светились жуткие нефритовые царпины. Ему хотелось что-нибудь сказать в ответ, подобрать подобающую реплику: остроумную, или сочувственную, или даже циничную. Вот только что он знал о любви — такой, о которой говорил сейчас Силкас Руин? Да и вообще, что ему известно о мире, этом или любом другом?

— Консорт Матери Тьмы. В конце концов он предъявил права на этот титул, словно на роль, которую некогда утратил, но поклялся вернуть. — Белокожий воин чуть хмыкнул, не отводя взгляда от пламени. — Кто мы были, чтобы это оспаривать? К тому времени Дети Матери с ней уже не разговаривали. Вот только какая разница? Что ты за сын, если не готов бросить вызов любовнику матери — уже неважно, новому или старому... — Он поднял глаза на Руда и чуть усмехнулся. — Быть может, ты и сам способен понять. В конце концов, Удинаас был не первым и не единственным возлюбленным Менаандор.

— Не уверен, что здесь уместно говорить о любви, — снова отвел взгляд Руд.

— Может статься, ты прав. Еще чаю?

— Спасибо, не стоит. Слишком он крепкий.

— Так и нужно, поскольку нас ждет дорога.

Руд нахмурился.

— Я не понимаю.

— Этой ночью мы отправимся в путь. Есть вещи, которые ты должен увидеть собственными глазами. Просто вести тебя за собой то туда, то сюда недостаточно — мне нужен не верный пес у моих ног, но товарищ, что встанет рядом. Видеть означает приблизиться к пониманию, а оно тебе понадобится, когда придет время решать.

— Что решать?

— Помимо прочего — какую сторону ты займешь в ожидающей нас войне.

— А какого именно прочего?

— Где ты вступишь в бой, и когда. Твоя мать, Руд, неспроста избрала тебе в отцы смертного. Подобные союзы способны дать неожиданный результат: в потомстве воплощаются достоинства обоих родителей.

В костре с треском лопнул камешек, и Руд вздрогнул.

— Ты говоришь, Силкас Руин, что хотел бы мне многое показать, поскольку не желаешь, чтобы я оставался верным, но безмозглым псом. И однако может статься, что в результате я не пожелаю встать с тобой рядом. Что тогда? Что, если в этой войне мы окажемся противниками?

— Тогда один из нас умрет.

— Отец поручил меня твоим заботам — и этим ты отплатишь ему за доверие?

Силкас Руин оскалил зубы в лишенной всяческого веселья улыбке.

— Руд Элаль, твой отец поручил мне тебя вовсе не из доверия — для этого он меня слишком хорошо знает. Считай это своим первым уроком. Отец разделяет твою любовь к имассам Убежища. Но этот край — и каждое живое существо внутри него — находится под угрозой уничтожения, если война будет проиграна...

— Старвальд Демелейн? Но врата запечатаны!

— Идеальных печатей не бывает. Воля и желания разъедают все подобно кислоте. Хотя нет. То, что пытается прорваться через врата, лучше будет описать как голод и амбиции. — Он поднял стоящий рядом с углями закопченный котелок и вновь наполнил кружку Руда. — Выпей. Мы отклонились от темы. Я говорил о древних силах — если угодно, о твоих сородичах. В том числе об элейнтах. Был ли Драконус истинным элейнтом? Или кем-то еще? Все, что я могу сказать по этому поводу, — какое-то время он носил обличье тисте анди. Может статься, то было издевательской шуткой, насмешкой над нашим чувством собственной значительности, кто теперь скажет? Так или иначе, мой брат Аномандр не мог не бросить консарту вызов — и тем самым мгновенно положил конец возможностям что-то узнать и понять. — Вздохнув, он добавил: — Я по сей день ломаю голову, не жалеет ли Аномандр, что убил Драконуса.

Руд вздрогнул. Мысли его шли сейчас кругом.

— Но как же имассы? Эта война...

— Я тебе уже объяснял, — оборвал его не сумевший скрыть раздражения Силкас Руин. — Войне безразлично, кто падет ее жертвой. Вина или же невинность тут совершенно не важны. Соберись с мыслями и слушай меня. Я не знаю, жалеет ли Аномандр. Зато знаю, что сам я не жалею. Драконус был тем еще хладнокровным ублюдком, а когда пробудился Отец Свет, вот тут-то мы и увидели, что представляет собой его ревнивая ярость. Консорт отвергнут — и в глазах отвергнутого вспыхивает черное пламя злобы! Когда мы говорим о стародавних временах, Руд Элаль, то обнаруживаем — речь о том, что сейчас совсем рядом. Чувства же, что нам кажутся совсем новыми, вспыхнувшими вместе с нашей юностью, вдруг оказываются

невообразимо древними. — Он сплюнул в угли. — Вот потому поэты никогда не испытывают недостатка в темах для песен — хотя и от их избытка редко кто страдает.

— Я буду защищать Убежище! — воскликнул Руд, руки которого сами собой сжались в кулаки.

— Мы это понимаем, и потому ты сейчас здесь...

— Но это бессмыслица! Мне следует быть *там*, на страже у врат!

— Вот тебе еще один урок. Твой отец любит имассов, но тебя он любит еще больше.

Руд вскочил на ноги.

— Я возвращаюсь!..

— Нет. Сядь. У тебя больше шансов спасти их всех, если ты отправишься со мной.

— Каким образом?

Силкас Руин нагнулся и протянул руки к огню. Зачерпнул полными пригоршнями золу и горящие угли. Поднял их вверх.

— Скажи мне, что ты сейчас видишь? Руд Элаль, Риадд Элейс — знакомы ли тебе эти слова, твое истинное имя? Это андийский — известно ли тебе, что они означают?

— Нет.

Силкас Руин смотрел на пылающие угли у себя в ладонях.

— Вот это. Твое истинное имя, Риадд Элейс, означает «Огненные Руки». Твоя мать заглянула в душу собственному сыну и увидела в ней все, что следовало. Наверное, она обожала тебя — но и боялась.

— Она умерла, потому что избрала предательство.

— Она поступила, как ей велела текущая у нее в жилах кровь элейнтов, — но ты унаследовал и кровь своего отца, смертного, человека, которого я успел близко узнать и понимаю так хорошо, насколько это вообще возможно. Человека, которого я научился уважать. Он первым из всех понял, для чего нужна девочка, первым осознал, что мне предстоит совершить, — и еще понимал, что меня отнюдь не радует перспектива запятнать ее кровью собственные руки. Он, однако, не стал мне мешать. Я пока не до конца разобрался, что же случилось тогда у врат — схватка с Сушеным, неуместная попытка несчастного Фира Сэнгара повторить деяние Скабандари, — только судьба Кубышки была предопределена с самого начала. Она была се-

менем Азата, а семя должно упасть в благодатную почву. — Он снова высыпал в огонь угли, уже остывшие. — Но она еще так юна. Ей нужно время, а если мы не встанем на пути у грядущего хаоса, времени у нее не будет — тогда имассы умрут. И твой отец. Умрут все. — Он встал и повернулся к Руду. — Нам пора. Корабас ждет.

— Кто это — Корабас?

— Нам придется обратиться. Каллоров мертвый Путь нам вполне подойдет. Корабас — это элейнт, Риадд. Она — Отатараловый дракон. В человеческой душе тоже присутствует хаос, это дар тебе от смертных, но берегись — он способен обернуться пламенем у тебя в ладонях.

— Пусть даже меня и так зовут «Огненные Руки»?

Красные глаза тисте анди словно на мгновение утратили блеск.

— Я тебя предупредил.

— Зачем нам встречаться с этой Корабас?

Силкас отряхнул ладони от золы.

— Ее освободят, и мы не сможем этого предотвратить. Я намерен убедить тебя, что нам не стоит и пытаться.

Руд обнаружил, что все еще крепко сжимает кулаки — до боли.

— Ты слишком мало мне говоришь.

— Это лучше, чем слишком много.

— Потому что боишься меня, как и моя мать.

— Да.

— Скажи, Силкас Руин, кто из вас, тебя и твоих братьев, был самым честным?

Тисте анди лишь склонил голову набок, потом улыбнулся.

Некоторое время спустя в темное небо взмыли два дракона — один из них отливал полированным золотом, то появляясь из мрака оранжевым отблеском, то вновь исчезая, другой был тускло-белым, светился мертвенной бледностью — лишь глаза его горели, словно угли.

Они поднялись над Пустошью, высоко и еще выше — а потом исчезли из этого мира.

Оставленный ими в каменном круге костерок еще некоторое время подрагивал на ложе из золы, доедая остатки самого себя. Пока не пожрал полностью.

Сандалат Друкорлат в последний раз трянула несчастного, так что у того слюни брызнули во все стороны, потом отшвырнула его прочь. Он с трудом поднялся на ноги, тут же рухнул снова, поднялся еще раз и, пошатываясь, заковылял вдоль берега.

Вифал негромко кашлянул.

— Радость моя, что-то ты последнее время раздражительной стала.

— Вот тебе и занятие нашлось, муж мой. Сделай уже что-нибудь, чтобы поднять мне настроение.

Он перевел взгляд на волны прибоя, слизнул с губ соль. Троица нахтов провожала удаляющегося беженца градом ракушек и дохлых крабов, хотя в тощую спину так и не попал ни один снаряд.

— По крайней мере, лошади отдохнули.

— Их истинные муки еще впереди.

— Я не совсем разобрался, что именно произошло, но, если понимаю правильно, шайхи ушли отсюда через ворота. Мы, надо думать, собираемся отправиться следом.

— А прежде чем отбыть, один из них поубивал всех колдунов и ведьм — тех самых, кого я намеревалась обо всем расспросить.

— Всегда можно двинуться в Синецветье.

Она выпрямилась, Вифал чуть ли не буквально видел, как ее трясет. Ему как-то доводилось слышать, что молния на самом деле бьет из земли в небо, а вовсе не наоборот. Сандалат сейчас тоже выглядела готовой взорваться и разнести в клочья тучи над головой. Или же ринуться, сея вокруг себя разрушения, на простирающийся отсюда в обе стороны лагерь, где поселились островитяне, которых Йан Товис с собой не взяла — бедолаги жили в убогих хижинах из плавника и изодранных ветром палатках прямо над линией прибоя, так что поселение больше всего напоминало выброшенные морем на берег обломки кораблекрушения. Вода все еще поднималась, лагерь успел насквозь пропитаться брызгами от бушующих волн, вот только двигаться отсюда никто не решался.

Не то чтобы им было куда. От леса, насколько хватало глаз, осталась лишь черная пустошь, утыканная пнями и покрытая слоем золы.

Сразу за воротами Летераса Сандалат открыла проход в Путь, который, по ее словам, назывался Рашан, после чего они долго ехали сквозь непроглядную тьму — сперва это было страшно, но быстро превратилось в пытку монотонностью. Пока Путь не начал распадаться на части. *Она сказала, виноват хаос. Эманации. Что бы оно там ни значило.* И лошади совсем обезумели.

Они вернулись в обычный мир на склоне над самой береговой полосой, из-под лошадиных копыт взвились тучи золы и пепла, а жена взвыла от разочарования.

Правда, с тех пор несколько успокоилась.

— Чему это ты разубыбался, во имя Худа?

Вифал потряс головой.

— Разубыбался? Ты меня с кем-то путаешь, дорогая.

— Слепой Галлан, — объявила она.

Такое в последнее время повторялось все чаще. Непонятные фразы, невидимые глазу поводы для раздражения, а то и ослепительной ярости. *Пора признать, Вифал, — медовый месяц подошел к концу.*

— Завел привычку вылезать, когда не надо, словно сорняк какой-нибудь. И нести всякую загадочную чушь, но на местных это действовало. Только разве можно доверять старику, впадшему в ностальгию, — да и старухе, надо полагать, тоже не стоит. В любой их байке найдется скрытый смысл, затаенная злоба по отношению к настоящему. Прошлое же — в их изложении — делается чем-то вроде магического эликсира. «Выпейте, друзья мои, и перенесемся в старые времена, когда все было так замечательно». А как же! Если б это я его ослепила, то тем бы не ограничилась. Не только глаза бы выскребла, но и всю черепушку!

— Жена, да кто он такой, этот Галлан?

Она осеклась, ткнула в него пальцем:

— Ты ведь не думаешь, что до встречи с тобой я вообще *не жила*? Ах, пожалейте бедного Галлана! Пусть у него за спиной и осталась целая вереница женщин, так это оттого, что нельзя ж не посочувствовать несчастному — а кончается потом тем, чем кончается, верно?

Вифал поскреб затылок. *Видишь, что бывает, если жениться на женщине себя старше? Справедливости ради, за ними все-таки тянутся тысячелетия воспоминаний, тисте анди они там или нет.*

— Ну, ладно, — не спеша вымолвил он, — нам-то теперь что делать?

Она махнула рукой в сторону поспешно удаляющегося беженца.

— Он даже не знает, был ли среди шайхов Нимандр и остальные — среди нескольких-то тысяч и не разобрать было. А Йан Товис видел только во время высадки, да и то издалека. С другой стороны, кто еще мог бы открыть врата? И держать открытыми, пока не пройдут десять тысяч человек? Только кровь анди способна открыть Дорогу, и только *королевская* кровь анди — *удержать* ее открытой. Бездна, да им пришлось кого-то одного до последней капли выжать!

— И куда ведет эта дорога, Санд?

— Да никуда. Ох, и зачем я только оставила Нимандра с сородичами? Шайхи же не просто выслушали Слепого Галлана, они ему еще и *поверили!* — Она шагнула ближе и взмахнула рукой, словно собираясь ударить.

Вифал отступил на шаг.

— Боги, Вифал, шел бы ты уже наконец за лошаадьми!

Прежде чем выполнить распоряжение, он бросил — с неожиданной завистью — еще один взгляд в спину удаляющемуся беженцу, который так и не остановился.

Некоторое время спустя они уже сидели в седлах, позади топтались вьючные лошади, а неподвижная Сандапат, казалось, изучала нечто прямо перед ними, видимое только ей. Нахты тем временем сражались за толстый обломок плавника, весом, по всей вероятности, превосходящий всех троих сразу. *Из него могла бы выйти неплохая дубина... для треклятого тобллка. Вернуть в палку крепежные болты, обить тот конец, что потолще, кованым железом. Снабдить бронзовыми заклепками, да и несколько шипов не помешает. Потом протянуть насквозь проволоку и закрепить в рукоятке тяжелый противовес...*

— Уже затягивается, хотя кожа еще совсем тонкая. — В руке у нее вдруг появился кинжал. — Думаю, мне удастся открыть проход.

— У тебя никак тоже королевская кровь?

— Заткнись уже, пока я сама тебя не заткнула. Я ж ясно сказала — тут огромная рана, и почти не залеченная. Чувство на